

**Н.А. Балаклеец,
Самарский государственный технический университет**

БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО МИРА: РЕФЛЕКСИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

В контексте концепции политического Карла Шмитта проанализированы основные идеи его работы «Единство мира». Предложена интерпретация Шмиттовой оппозиции друга и врага как инклюзивного антагонизма, который, будучи понят в своем нормативном измерении, не должен сводиться к политическому дуализму (холодная война) или трансформироваться в единый мировой порядок.

Ключевые слова: война, мир, политическое, политика, власть, насилие, человечество, биполяризм.

**N.A. Balakleets,
Samara State Technical University**

STRUGGLE FOR UNITY OF THE WORLD: REFLECTION OF THE POLITICAL IN THE CONTEXT OF THE COLD WAR

In the context of the concept of the political of Carl Schmitt, the main ideas of his work “The Unity of the World” are analyzed. The author proposes the interpretation of Schmitt’s friend–enemy distinction as an inclusive antagonism, which, being understood in its normative dimension, should not be reduced to political dualism (the Cold War) or be transformed into one world order.

Keywords: war, peace, political, politics, power, violence, humanity, bipolarism.

Задолго до появления термина «глобализация» политико-философская мысль устремлялась к перспективам существования человечества и осуществляла прогнозирование будущих политических констелляций. В условиях холодной войны между СССР и США, в 1952 году, Карл Шмитт публикует работу «Единство мира» («Die Einheit der Welt»), в которой раскрывает неустойчивый и рискогенный характер биполярного мирового порядка и размышляет о вариантах его преодоления.

Борьба за единство мира представляет собой попытку установления единого центра управления человечеством и должна пониматься в политическом (а не в сугубо технологическом) значении. Как отмечает Шмитт, «жела-

ние бесперебойно функционирующего глобального единства мира соответствует господствующему сегодня технико-индустриальному образу мира. Техническое развитие неотвратимо ведет к новым организациям и централизациям. Если в действительности судьбой человечества является техника, а не политика, то проблема его единства может считаться уже решенной» [1]. Показательно, что Шмитта прежде всего интересует не военно-технологический аспект противостояния, но символическая борьба, подкрепленная идеологическими и историко-философскими ресурсами противников. На наш взгляд, это вполне резонно. Речь идет о борьбе за право определять будущее мироустройство в соответствии с собственными политическими, экономическими и моральными представлениями и целями. Эффективность политической власти определяется не только ее способностью производить и использовать орудия физического насилия (более того, необходимость применения насилия может квалифицироваться как «слабость власти» [2, с. 1421]). Если враг не может быть сокрушен посредством оружия, то следует достичь гегемонии, используя знаково-символические инструменты власти.

Установление единого центра управления человечеством предполагает придание перспективе победителя универсального характера. Используя терминологию Пьера Бурдьё, можно определить борьбу за универсализацию партикулярной политической перспективы как попытку «дать спектакль универсального», утвердить «центральную точку зрения», «на которую нет точки зрения и по которой меряются все остальные точки зрения» [3, с. 94, 162]. В ситуации достижения подобной универсализации произойдет утрата партикулярного статуса перспективы доминирующего политического актора: она будет восприниматься как естественная и единственно возможная перспектива мировидения. Отметим, что политическая гегемония напрямую связана с правом номинации реальности посредством выгодных для победителя вербально-оценочных средств [4, с. 41]. Победитель получает право определять собственную идентичность и идентичность побежденного, тогда как последний лишается как права на самоопределение, так и привилегии осуществлять символическое производство политической реальности. (Способность номинации выступать актом власти демонстрируется, в частности, в книге Бытия: Адам, дающий в раю имена животным, устанавливает тем самым власть над ними.) Однако если Бурдьё исследует внутригосударственные практики департикуляризации партикулярных символических систем (ситуации, когда «истина властвующих становится истиной всех» [3, с. 153]), то Шмитт направляет свою рефлексию на метাগосударственные процессы дискурсивного противостояния акторов холодной войны.

При всем различии экономических систем государств-противников, при всей несовместимости их идеологий и гетерогенности правящих элит, согласно Шмитту, их напряженное противостояние предполагает наличие единства «историко-философской самоинтерпретации»: «Железный занавес был бы бессмысленным и никто не стал бы прилагать усилий по его организации, если бы он разделял лишь внутренне не связанные друг с другом пространства» [1]. Стремление одержать победу в холодной войне связано с конституированием и поддержанием каждой из сторон модели исторического развития человечества и образа будущего, который должен выглядеть привлекательным не только в глазах сограждан, но и иметь всемирно-историческое значение. В данном контексте помыслим межгосударственное противостояние, исход которого в пользу любой из сторон не приведет к разрушению феномена политического как такового. Совсем другое дело – политическая борьба, судьбоносная для человечества в целом, которая нуждается в подкреплении историко-философским дискурсом, претендующим на универсальный характер. Единство человечества не может быть достигнуто исключительно посредством опоясывающих Земной шар технологических инструментов (в современной ситуации – информационно-коммуникационных технологий). Идея единства человечества, заложенная в марксистской философии, укоренена в гегелевской философии истории, которая «усматривает цель человечества в единстве возвращающегося к самому себе духа» [1]. Диалектическое движение, которое должно привести к единству мира, воплощается в знаменитых советских пятилетках, первая из которых, датируемая 1928 годом, приобрела, как отмечает Шмитт, почти мифическое значение. «Историческая самоинтерпретация Запада», представленная цивилизационной концепцией А. Тойнби и попытками ряда западных ученых усмотреть причины войны в демографическом росте населения стран Востока, выглядит в глазах Шмитта «слабой и беспомощной». В то же время массовое сознание населения индустриального Запада попало под власть идеи технического прогресса, который должен завершиться построением земного рая «единого мира» (one world). Таким образом, при всех своих различиях, историко-философское кредо Востока и наивная прогрессистская «философия» Запада обнаруживают общее стремление к достижению кульминационного пункта истории – идеала единого человечества.

Несмотря на то, что оппозиция друга и врага, по Шмитту, является конститутивной для политического, автор усматривает угрозы, исходящие от политического биполяризма, который установился в период холодной войны. Казалось бы, здесь мы сталкиваемся с противоречием: рассмотрение классической оппозиции, которая составляет сущность политического, в модусе недолжного требует дополнительных объяснений.

Противостояние двух акторов холодной войны охватывает отнюдь не все человечество. Само понятие политического дуализма выносит «за скобки» всю сложность и многообразие мира, утверждая право на политическую субъектность и дискурсивный суверенитет за двумя ведущими акторами. В ситуации биполярного политического порядка враги становятся абсолютными, каждый из них стремится не водворить другого «обратно в свои границы» [5, с. 400], но привести его к небытию. С утверждением единого центра управления человечеством произойдет крах политического, которое выстроено по модели антагонизма и основано на возможности политических единств определять собственных друзей и врагов.

Таким образом, шмиттова оппозиция друга и врага сохраняет свое позитивное политическое значение при открытой возможности ее конституирования, то есть при наличии выбора друзей и врагов. Этим и объясняется обеспокоенность ученого в отношении перспектив установления монополярного мира. Политическое, согласно Шмитту, должно быть организовано как *инклюзивный антагонизм* (сам автор в работе «Понятие политического» использует термин «политический плюриверсум»). Вероятная перспектива трансформации политического дуализма в политический плюриверсум связана с наличием так называемой третьей силы, которая имплицитно подразумевает возможность установления «подлинного плюрализма». Мировая политическая система, основанная на равновесии ряда «больших пространств», мыслится Шмиттом в качестве альтернативы технически опосредованному планетарному единству.

Список литературы:

1. Schmitt C. Die Einheit der Welt // <https://www.merkur-zeitschrift.de/carl-schmitt-die-einheit-der-welt/>
2. Балаклеец Н.А. Субъект и власть: эссенциализм и пути его преодоления в современной политической философии // Философия и культура. 2016. № 10 (106). С. 1419-1429. DOI 10.7256/1999-2793.2016.10.17301.
3. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
4. Балаклеец Н. А. Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 38-42. DOI 10.17223/15617793/396/6.
5. Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 568 с.